

От редактора рубрики

«Бои за историю» (аллегория, которую первым в оборот ввёл известный французский историк Л. Февр)¹ чаще всего ведутся в тиши рабочих кабинетов или в ходе экспедиций. Всем нам хочется верить в объективность и беспристрастность исследователей, в истину исторического факта, однако давно подмечено, что «факт – сам по себе есть теория», что есть своя истина и у его интерпретации.

Второй тезис состоит в том, что любой исследователь выполняет чей-то «заказ», причём дурной автор делает это в силу прямой ангажированности или собственной ограниченности, тогда как профессионал всегда отдаёт себе отчёт в том, что он действует в условиях той или иной исторической системы ценностей, от которой он никогда не бывает свободен. М. Вебер сформулировал эту мысль предельно чётко – «Выражение "отнесение к ценности" подразумевает только философское истолкование того специфически научного "интереса", который руководит выбором и обработкой объекта эмпирического исследования».² Иными словами, исследователь оперирует «идеальными типами», но все они связаны с «интересом эпохи».

Есть и ещё один уровень понимания гуманитарного дискурса – видение социо-культурного контекста той или иной научной традиции, что отчётливо заметно при взгляде на процесс формирования национальных научных школ.

Зафиксировав данные тезисы, мы обратимся теперь собственно к теме выпуска, который мы в парафраз высказыванию Л. Февра назвали «бои за антропологию». Это бои, если угодно, местного значения, раскрывающие ситуацию на исследовательском поле нашей части ойкумены – Северо-Востоке Азии. Мы живём в удивительно интересном и сложном регионе, как бы банально это ни звучало. Здесь соприкасаются многие этнические и национальные культуры и Россия присутствует в регионе по историческим меркам сравнительно недавно. Не стоит, однако, данный факт драматизировать. В силу не ангажированности в развитии мощных цивилизационных и государственных центров региона – таких как Китай, Япония, Корея – мы можем даже время от времени занимать позицию *arbiter elegantiarum*, хотя важно не забывать, что эта позиция в своё время стоила Гаю Петронию жизни.

И всё-таки, почему антропология? Как известно, у антропологии есть масса определений, равно как и течений внутри неё, но нам ближе всего понимание её как науки об изменчивости человека во времени и пространстве, которая постигается антропологическими методами (помимо работы с текстом, идёт работа с материальным контекстом через анализ разного рода артефактов, получаемых из археологических раскопок, этнографических коллекций, в ходе социологических опросов и т.п.). То есть речь идёт о комплексной науке. К слову сказать, в англосаксонской традиции в корпус антропологии входит и археология, и лингвистика, и этнология в нашем понимании. Подтверждается данная мысль ещё и тем, что в последнее время мы видим устойчивую тенденцию к «антропологизации» всего исторического знания. Данный процесс имеет как инструментальную составляющую, так и смысловую. Всё шире становится круг источников, когда письменного нарратива оказывается недостаточно. Кроме того, устойчиво развивается ряд направлений,

¹ См. Febvre L. *Combats pour l'histoire*. Paris: Armand Colin, 1953. 456 p.

² См. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr, 1985. p. 497.

таких как история повседневности, которая во многом была продуктом историко-антропологического синтеза.

Несмотря на громкое название рубрики, цель данного выпуска многим скромнее – представить читателю несколько примеров научного анализа ряда актуальных проблем, объединённых регионом исследования, а также продемонстрировать исторически и культурно тесные контакты между народами Северо-Востока Азии в самые разные эпохи на примере археологии, этнологии и истории. Мы также хотели обозначить грани того самого «интереса эпохи» через призму работ отечественных и зарубежных авторов, показать то, как они видят те или иные факты истории и как они их интерпретируют.

Важно и то, что мы попытались рассказать об исследовательских центрах наших соседей (на примере Японии) или же дать слово нашим иностранным коллегам через обзор их работ, либо напрямую. Текст китайского учёного Ли Суйяня – заведующего Сектором истории китайско-российских отношений, помощника директора Института истории Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР) – об эволюции образа России в глазах китайцев мы приводим в другом разделе нашего журнала.

Начнём же мы с археологии. В работе Е.В. Асташенковой и Я.Е. Пискарёвой речь пойдёт о памятнике эпохи средневековья Акита дзе (префектура Акита, Япония). Чем интересен данный объект? Читатель наверняка хорошо осведомлён о средневековом государстве Бохай (698 – 926 гг.), часть которого располагалась в современных границах юго-западного Приморья. В истории и историографии Бохая есть немало белых пятен. Кроме того, между корейскими, китайскими и японскими историками постоянно ведутся жаркие дискуссии вокруг «бохайского наследия». Нередко, казалось бы сугубо исторические проблемы, вдруг обретают политическое звучание. Одной из важных тем в этой связи является вопрос культурных контактов между Бохайским государством и его соседями.

Рассмотрев планировку, конструктивные особенности вала и зданий крепости Акита, составив краткий обзор керамического материала и результатов палеопаразитологических исследований, а также сравнив всё это с данными, имеющимися у российских археологов, авторы статьи приходят к выводу, что население крепости с большой долей вероятности могло иметь контакты с бохайским государством.

В статье отмечается и ещё один немаловажный факт. Изучение средневековой истории российского Дальнего Востока требует от отечественного исследователя знаний по истории и археологии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Зачастую это затруднено отсутствием специальной литературы, переведённой на русский язык. Обзор археологического материала средневековых памятников сопредельных территорий способствует определению как общих закономерностей, так и региональных особенностей, а также выявлению в материальной культуре «маркеров», отражающих социально-экономические, политические, и культурные контакты между населением разных регионов Дальнего Востока.

История людей – это по большей части история войн. Потому реконструкция комплекса вооружений сама по себе может рассказать не только о политической истории государств, но и указать нам пути культурных контактов. Кстати, роль кочевых и полукочевых средневековых обществ Евразии в передачи технологий, знаний, обычаев нельзя недооценивать. Это касается не только монгольского времени, но и более ранних периодов истории.

В статье С.Д. Прокопца дан анализ вооружения чжурчжэней – народа тунгусо-маньчжурской группы, создавшего средневековое государство Цзинь. Автор исследует защитное вооружение чжурчжэней на основе археологических находок, сделанных на городищах государства Восточное Ся, расположенных в Приморском крае. Восточное Ся – это осколок «Золотой империи», возникший в период монгольского нашествия. Здесь на территории Маньчжурии и Приморья была предпринята часть цзиньской элиты (выступившей с позиции сепаратизма по отношению к властям империи) последняя попытка сохранить чжурчжэньскую государственность. Попытка не увенчалась успехом и в 1234 г., просуществовав 19 лет, Восточное Ся пало. Кстати, город Кайюань, где было провозглашено создание «Дун Ся» хорошо знаком многим приморцам – это Краснояровское городище под Уссурийском.

Автор приводит реконструкцию самого вооружения, даёт его классификацию, определяет роль в чжурчжэньском обществе. Для выявления местных и заимствованных традиций в элементах доспехов им привлекается как археологический материал, так и письменные источники. В результате автор приходит к выводу, что чжурчжэньские воины эпохи государства Восточное Ся были снабжены современными для того периода доспехами. Комплекс защитного вооружения чжурчжэней имел свои устойчивые традиции, но при этом следовал в русле развития средневекового военного дела государств Дальнего Востока. Совершенство данного комплекса позволило ему просуществовать даже после гибели Золотой империи.

Крушение последней не означало полного исчезновения её создателей. Согласно распространённой точке зрения, с XVII века потомки чжурчжэней фигурируют в китайских летописях под именем маньчжуров. К моменту прихода русских на Дальний Восток на берегах Амура, Сунгари, Усури проживали различные тунгусо-маньчжурские племена, многие из которых могли быть родственны чжурчжэням. Их потомками считают, например, удэгейцев, проживающих сегодня на территории Приморского и Хабаровского краёв. Да и в целом, этническая история тунгусо-маньчжур крайне интересна и запутанна. Специалистам хорошо известна так называемая «тунгусо-маньчжурская проблема», которая укладывается в более широкий комплекс вопросов, известный под именем проблемы «алтайской». Одними из первых её сформулировали лингвисты¹. Главный вопрос здесь был следующим – существовала ли вообще алтайская языковая семья как генетическое единство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского или даже японского языков. Понятно, что этногенез, происхождение языка и культуры – весьма актуальные исследовательские темы. Но и современные этнические процессы, социальные и культурные проблемы коренных народов в свете процесса глобализации и развития техногенной цивилизации привлекают внимание специалистов не только из России, но и наших соседей.

Чуть больше года назад, осенью 2012 г., учёные из Владивостока, Санкт-Петербурга и их японские коллеги из городов Осака и Токио провели международную экспедицию в местах традиционного проживания хэчжэ КНР (в России хэчжэ известны как нанайцы), пройдя на автомобилях и лодках около двух тысяч километров по китайской части Амура и Усури. Инициатором данного предприятия был профессор Национального музея этнологии (Минпаку) Сасаки Широ (г. Осака). Экспедиция была частью его исследовательского проекта «The Change from Pre-Modern to Modern in the Lower Amur Region» (2012 – 2013). Отталкиваясь

¹ См. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка / Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1991. с. 1.

от данного факта, участник той экспедиции Ю.В. Латушко кратко знакомит читателя с опытом сотрудничества российских и японских этнологов и рассказывает о ведущем этнологическом центре Японии – музее Минпаку. Хотелось бы надеяться, что данный материал будет интересен не только специалистам – этнографам, но и более широкой аудитории.

Большие изменения в жизни коренных народов России (не только малочисленных) произошли после революции 1917 г. Политика властей в их отношении характеризуется сменой стратегии – от русификации к коренизации. Любопытно, что политика Советского Союза в национальном вопросе до сих пор является предметом пристального изучения со стороны китайских учёных. Это не удивительно, так как китайцы считают крайне важным для себя не повторять ошибок своего северного соседа. Именно этому вопросу и посвящена статья китайского учёного Лю Сяньчжуна. Автор приходит к выводу, что в 20-е годы XX в. в СССР главной линией национальной политики стала политика «коренизации». Она была направлена на содействие развитию культур бывших угнетённых народов и должна была показать, что партия уважает традиции и права представителей этнических групп, входящих в состав Союза, а также укрепить большевистскую власть на местах. Однако эта политика вызвала к жизни децентрализаторские тенденции, усилила местный национализм, дискриминацию «неместного» населения (в том числе и русских) на территориях республик. Отметим также, что перевод данной статьи и подготовка комментариев к ней стали возможны усилиями И.В. Ставрова.

Завершает настоящую рубрику обзорная статья А.С. Веремейчика, в которой предпринята попытка анализа китайской историографии по весьма актуальному вопросу о современной китайской миграции на территорию России. Статья тем более интересна, что освещает собственно китайскую оценку данной проблемы. Мы полагаем, что каждый читатель сможет сравнить свои собственные представления о ней с оценками китайских учёных. Здесь не лишним будет напомнить, что именно на стыке «эмик» (внутрикультурного видения) и «этик» (внешнего описания) подходов (в терминах К. Пайка), давно апробированных в антропологии, рождается истинное знание о культуре, человеке и обществе.

Автор приходит к выводам, что основное внимание китайских историков сосредоточено сегодня на изучении факторов трансграничной миграции, анализе причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», а также контрмерах по решению «китайского миграционного вопроса».

В заключение хотелось бы поблагодарить участников рубрики за их труд и понимание, а также выразить скромную надежду на интерес к ней со стороны читателей.

Ю.В. Латушко